

Глава 20. Благодарность

Линь Му на мгновение засомневался, всерьез ли говорит Гу Суйчжи.

На протяжении их пути тот не раз позволял себе двусмысленные замечания, но юноша всегда чувствовал: всё это лишь пустые слова, игра скучающего духа. Включая те самые первые слова о том, что он «стал геем».

Вместо того чтобы поверить, что Гу Суйчжи действительно влюбился в него с первого взгляда, Линь Му скорее готов был допустить, что этот человек слишком долго томился в заточении внутри меча, отчего у него и появились подобные странности. Стоило ему наконец встретить живую душу, как он принялся изо всех сил поддразнивать её.

Гу Суйчжи и сам признавал, что подобные речи — его личное развлечение, своего рода альтернативная «игра», чтобы скоротать время. Они не имели прямого отношения к самому Линь Му и не требовали ответа.

Старший говорил бездумно; эти слова просто пролетали мимо ушей, и не стоило принимать их близко к сердцу. Все эти ленивые, насмешливые, вкрадчивые фразы о «любви» и «трепете»...

Их не стоило считать правдой.

Линь Му по натуре своей был холоден и бесстрастен; его сердце напоминало застывшую гладь озера. Его невозможно было смутить парой полусутопливых признаний, но и мешать собеседнику он не стремился. Тот оказал ему великую милость, и если у него была такая прихоть, юноша был готов проявить терпение — в конце концов, это не причиняло ему особых неудобств.

Однако сейчас он не мог разгадать намерений спутника.

Гу Суйчжи не торопил. Озвучив своё условие, он замер в безмятежном ожидании ответа.

— Старший... — медленно заговорил Линь Му. — Вы действительно...

Он перевел дыхание, изо всех сил стараясь сохранить голос ровным. Длинные ресницы юноши дрогнули и опустились, скрывая вспыхнувшие в глазах эмоции.

Линь Му не мог отличить правду от вымысла, а потому решил спросить прямо:

— Вы действительно хотите, чтобы я так вас называл?

Или это была очередная попытка подразнить его?

Он не принадлежал к числу тех, кто легко разбрасывается словами привязанности. Даже простые обращения — «брат», «отец», «матушка» или чьи-то ласковые прозвища — редко слетали с его губ. Даже с Ли Чжунчэном, с которым он вырос вместе, у него почти не бывало моментов близости.

Обращаясь к другим, он всегда был сух и официален.

Он не умел, подобно Гу Суйчжи, то и дело вворачивать в разговор словечки вроде «сокровище» или «бедняжка», даже если в них сквозила ирония. Что уж говорить о более интимных именах.

Голос Гу Суйчжи, как и всегда, звучал низко и мягко, с той едва уловимой усмешкой, за которой невозможно было разглядеть истинные мысли:

«А что, если "да"? И что, если "нет"?»

— Если это правда...

Линь Му медленно поднял взгляд. Его глаза, обрамленные густыми ресницами, постепенно прояснились.

— Сейчас мои помыслы действительно далеки от подобных вещей. Но если вы... действительно любите меня, то, когда я покончу с враждой из прошлой жизни, я обещаю серьезно обдумать этот вопрос.

Линь Му не питал влечения к мужчинам. Впрочем, к женщинам он тоже был равнодушен. В его представлении заклинатель должен был посвящать себя практике и стремиться к вершине Дао, а не погрязать в любовных страстях.

В прошлом ему не раз признавались в чувствах — кто робко, кто настойчиво; среди них были и красавцы, и ослепительные красавицы. Но юноша всегда отказывал прямо. Порой его холодность была настолько резкой, что ставила людей в крайне неловкое положение.

Но с Гу Суйчжи всё было иначе.

Этот человек стал его спасителем и помог ему в стольких вещах, что долг перед ним стал неоплатным. Линь Му не раз думал о том, как отплатить за доброту, и если Старший действительно желал таких отношений... Юноша не мог заставить себя произнести это вслух, но готов был пообещать, что искренне постарается ответить взаимностью.

Гу Суйчжи выслушал его и тут же отрезал:

«Не пойдет».

Линь Му замер в замешательстве:

— Старший?

«А если после своих раздумий ты решишь, что мы "не подходим друг другу"? Я же останусь в огромном убытке. Ты придешь ко мне и скажешь: "Старший, вы прекрасный человек, но нам не по пути". И что мне тогда делать? С кем спорить?»

Гу Суйчжи насмешливо фыркнул.

«К тому же я не собираюсь ничего с тобой делать. Я просто хочу услышать что-нибудь приятное, чтобы порадоваться. К чему эта излишняя серьезность?»

Линь Му хотел было объяснить, что он не из тех, кто нарушает обещания: если уж он согласится, то приложит все усилия. Но Гу Суйчжи заговорил снова, слишком быстро.

Юноша умолк. Неужели... это и вправду не должно было быть серьезным вопросом?

«О... я всё понял», — интонации Гу Суйчжи стали вкрадчивыми и лукавыми; Линь Му слишком хорошо знал этот тон — так Старший обычно поддразнивал его. «Я лишь хотел услышать, как ты назовешь меня "Мужем", а ты уже вообразил, как мы станем парой на пути Дао? Небось, уже и гостей для свадебной церемонии пригласил, и какие цветы расставить придумал? Решил, что подать на стол и какие сувениры раздать приглашенным?»

— ...

«Не думай о таком», — добавил Гу Суйчжи. «К тому же я мертв и ничего не смогу тебе сделать. Считай, что ты просто утешаешь меня».

Упоминание об этом заставило Линь Му отвлечься от смущения.

— Старший, в прошлой жизни я спускался в Бездну Девяти миров. Ходят слухи, что там сокрыты древние тайные искусства, в том числе и касающиеся воскрешения. Я могу попытаться вернуть вас к жизни.

Линь Му действительно всерьез размышлял о том, как отблагодарить Гу Суйчжи. Тот никогда не рассказывал о своих прошлых обидах и, кроме недавней просьбы на Острове персиковых цветов в нефритовом море, редко проявлял какие-либо потребности.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что «воскрешение» — это единственное, что могло быть по-настоящему нужно Старшему.

Тот не ожидал, что его мимолетная шутка приведет к подобному предложению.

«Я смотрю, тебе действительно очень нравится раздавать долги».

— Я...

Гу Суйчжи явно всё еще помнил их прошлый разговор.

«Сначала Ли Чжунчэн, потом Танси Юйфэн, а теперь и со мной ты решил вести расчеты».

— ...

Линь Му немного помолчал, а затем негромко спросил:

— Старший, как вы считаете, кто из нас вызывает больше жалости: я или Мо Чжиянь?

Смена темы была слишком резкой.

«Я бы сказал, что ты. Но боюсь, тебе это не понравится».

Юноша не стал спорить — ему действительно претила мысль о жалости.

— Вы знаете моё прошлое, поэтому считаете меня несчастным. Но Танси Юйфэн не знает его. Или, скажем так, я держусь слишком стойко, поэтому он не чувствует моей боли. Но если бы я, подобно Мо Чжияню, выставил свои страдания напоказ и преувеличил их, он, возможно, тоже встал бы на мою сторону.

В прошлой жизни, когда подстрекаемые Ли Чжунчэном люди презирали его, он вполне мог бы «забыть о долгах» и объяснить свои истинные мотивы и трудности. Когда Танси Юйфэн потребовал отдать вещь Мо Чжияню, учитывая догадки окружающих об их происхождении, Линь Му мог бы поднять шум, и позор пал бы явно не на него.

Но он этого не сделал. Не из-за убеждения, что «близкие поймут без слов», а просто потому, что считал это ненужным.

— Раньше мне всегда твердили, что я кому-то должен. Раз я родился — значит, обязан родителям за жизнь. Семья Ли вырастила меня — я должен им за воспитание. В Дивном крае Хуами, что бы я ни получал, мне постоянно напоминали об этом... Словно само моё

существование — это один бесконечный долг.

Гу Суйчжи про себя возмущился нелепости такой логики, но смысл слов собеседника понял. Дело было не в том, что Линь Му постоянно хотел расплатиться, а в том, что другие постоянно подчеркивали его неоплатный долг. Со временем он просто перестал воспринимать чужую доброту как радость, видя в ней лишь новое обязательство.

— Если я совершил ошибку, которая привела к плохим последствиям, я принимаю их. Если мне говорят, что я должен — я возвращаю.

Голос юноши звучал твердо:

— Долг за рождение, за воспитание и всё остальное... Как только я расплачусь, я уйду, и мы больше не будем связаны. Даже те вещи — я бы не взял их, даже если бы Танси Юйфэн не просил. Приняв их, я бы снова оказался связанным с ними обязательствами, а я не хочу иметь с этими людьми ничего общего.

Линь Му добавил:

— Я знаю, что, если бы я раскрыл правду о своей участи, мне было бы легче жить. Но, Старший, это невозможно. Мне никогда не потребуется чужое сочувствие или жалость. Я предпочитаю умереть стоя —

«У тебя голова не тем забита», — перебил его Гу Суйчжи.

«Когда это я просил тебя о благодарности? Я просто... Ладно, считай, что мы заключаем сделку, раз тебе так проще. Ты говоришь так, будто я вымогаю у тебя плату. Но скажи честно: разве одно обращение "Муж мой" в обмен на бутылку Крови бога — это невыгодная сделка? Ты полчаса водишь меня за нос, кормишь обещаниями и поминаешь прошлое... Я начинаю подозревать, что это твоя хитрая тактика: намеренно отвлечь моё внимание, чтобы потом благополучно уклониться от ответа».

Линь Му почувствовал, что Старший действительно начинает сердиться. Это было впервые с их встречи. Но почему?

«Забирай свою кровь, я сдаюсь. Еще немного, и ты приравняешь меня к Танси Юйфэну, решив, что и со мной нужно "рассчитаться". Ты просто...»

— Муж мой.

Притворное раздражение Гу Суйчжи мгновенно испарилось.

В сознании Линь Му полупрозрачный силуэт, отливающий бледным золотом, резко вскинул голову:

«М-м?»

Линь Му подавил жгучее смущение. Глядя на горы золота под ногами, он сохранял на лице маску ледяного спокойствия. И только нежный румянец, разлившийся по его бледным щекам до самых кончиков ушей, выдавал его чувства. В глубине его глаз, словно первые цветы персика в начале весны, расцвело мягкое сияние.

Он повторил, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Муж мой.

<http://bllate.org/book/15862/1436395>